АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

МИРОТВОРЕЦ

Работа над ошибками

Андрей Панченко

Миротворец

«Автор»
2026

Панченко А.

Миротворец / А. Панченко — «Автор», 2026 — (Работа над ошибками)

Есть задания, для которых не бывает официальных приказов. Есть территории, куда нельзя отправить армию. И есть люди, готовые идти туда, зная, что если что-то пойдёт не по плану, от них все отвернуться. Как бы Серый не убегал от войны, она идёт за ним следом, и цена которую придется заплатить, за помощь другу, может оказаться слишком высокой.

© Панченко А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 26
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Андрей Панченко
Миротворец

Глава 1

Наручники затянули ещё в конвойном помещении суда. Конвойный взял меня за запястье, повернул ладонь и нажал на дужку. Металл щёлкнул дважды. Я пошевелил кистью, проверяя, не пережало ли руку. Обычно парни в конвое были нормальные, и относились с пониманием, особенно к нам, и если наручники давили, немного ослабевали зажим.

- Нормально, - сказал я.

Конвойный ничего не ответил. Молодой сержант, светлые ресницы, воспалённая полоска кожи над воротником. От него пахло табаком и дешёвым одеколоном. Пока ждали у двери, он всё время поправлял ремень, дергал пустую кобуру, сдвигал с места на место резиновую палку и подсумок с "Черёмухой". Ремень не сползал, да и снаряга на нем сидела нормально, просто руки нужно было чем-то занимать. Этого сержанта я видел сейчас в первый раз, и он явно нервничал. Сейчас ему предстояло вести по коридорам суда целую банду головорезов, а пистолет пришлось оставить в сейфе конвойного помещения. Находится в здании суда и зале судебного заседания с огнестрелом было запрещено инструкцией, чтобы подсудимый или его сообщники не могли им завладеть при нападении. Огнестрельное оружие использовалось только на этапе транспортировки.

Нас повели знакомой дорогой и вскоре мы остановились возле зала судебного заседания. За дверью разговаривали. Доносились скрип скамеек, кашель, тихий женский голос. Слов было не разобрать, но я всё равно прислушивался.

- Серый, -— негромко позвал Равиль.

Я повернул голову. Он стоял через человека от меня. Похудел, скулы заострились, тюремная стрижка открыла неровный шрам над ухом. Пиджак, который ему передали к суду, висел на плечах. Раньше я этого не замечал: в прогулочном дворике мы друг друга почти не видели, а в машине сидели боком, сгорбившись под низким потолком. Равиль чуть приподнял скованные руки.

- Вид приличный?

- Жениться можно.

- Поздно. Уже.

Гриша фыркнул. Конвойный посмотрел на него, но промолчал. Нас, и подсудимых и конвойных, было слишком много для тесного коридора. Стояли вдоль стены, мешая людям проходить. Сотрудница суда с папками под мышкой протиснулась мимо, старательно глядя себе под ноги. Пожилой мужчина в сером костюме задержался у поворота. Скользнул взглядом по нашим лицам, по наручникам, затем узнал кого-то и поспешно отвернулся. Я проводил его глазами.

Странное всё-таки дело. Когда нас привезли сюда в первый раз, на меня смотрели с любопытством. Кто-то с опаской. Теперь чаще отворачивались. За время суда люди успели многое услышать, прочитать и решить для себя. Одни считали нас бандой, другие чуть ли не спасителями отечества. Ни с теми, ни с другими разговаривать не хотелось. Замок щёлкнул.

- Приготовились. - Сержант открыл дверь и пропустил вперёд старшего конвоя.

В зале было душно. Высокие окна заклеили на зиму, под подоконниками жарили батареи. Пахло разнообразным парфюмом, мокрой одеждой и пылью. На проходе лежала дорожка, потёртая посередине почти до основы.

Я сначала увидел Макса. Он сидел у прохода, тяжело опершись ладонями на колени. Поднялся, как только нас ввели, но стоявший рядом милиционер что-то сказал ему, и Макс медленно опустился обратно. За последние месяцы он тоже изменился. Виски поседели, на лбу появилась глубокая складка, которой раньше не было.

Рядом с ним сидела Таня. На ней было то самое тёмное платье, которое мы покупали перед свадьбой. Поверх - расстёгнутое пальто. Наверное, приехала рано и не решалась выйти в гардероб. Она держала сумку обеими руками, прижав к животу. Увидела меня, выпрямилась. Я кивнул ей. Она попыталась улыбнуться. Получилось не сразу.

Дальше сидел Ильич. Прямой, в хорошем костюме, с упрямо поднятым подбородком. Бабушки не было. Мы с Максом договорились, что привозить её сюда не надо. Ей и без этого хватило за последние годы. Правда, я сомневался, что она спокойно сидит дома. Скорее всего, с самого утра ходит от окна к телефону, а родители пытаются убедить её хотя бы выпить чаю.

Жену Быкова я заметил уже возле клетки. Она стоял у дальней стены. Рядом с ней - Антон. В пиджаке, который был ему немного велик, с коротко подстриженными волосами. Левая рука спрятана в карман. Он почти не отрываясь смотрел на отца, который шел следом за мной, потом перевел взгляд на меня. Я улыбнулся ему и кивнул. Когда наши взгляды встретились, он вытащил руку из кармана и неловко опустил вдоль тела. Я успел отвернуться раньше, чем начал рассматривать пальцы.

- Заходим.

Дверь клетки открыли. Сначала пропустили меня, потом остальных. Скамья внутри была узкая, на всех не хватало места, приходилось усаживаться плотно, разворачивая плечи. Гриша задел локтем прутья.

- Извиняюсь, - сказал он зачем-то.

- Садись уже, - пробормотал Равиль.

Дверь закрылась. Старший конвоя проверил замок, дёрнул его и остался рядом. Молодой сержант который надевал на меня наручники устроился с другой стороны, как раз возле меня, остальной конвой равномерно расположился вдоль клетки. Теперь я находился к сержанту так близко, что видел на его шее каплю пота. Она медленно ползла к воротнику.

На столе перед нами стоял графин с водой. От клетки до него было метра два, но выглядел он так, словно находился в другом помещении. Затем зашли наши адвокаты. На каждого по одному. Мой адвокат, по фамилии Самойлов вошёл последним. Положил папку, снял очки, протёр платком. На секунду задержал на мне взгляд. Я чуть заметно качнул головой. Он понял. Подошёл не сразу, сначала обменялся несколькими словами с коллегой, затем остановился возле прутьев.

- Как самочувствие? - Поинтересовался он.

- Прекрасно. - Усмехнулся я - У вас?

- Давление с утра. - Пожаловался Самойлов.

- Здесь жарко.

- Не от этого. - Он вздохнул - Переживаю. И по-моему сильнее чем вы.

Я посмотрел на его папку, которую он оставил на столе. За время процесса она сильно распухла. Между листами торчали бумажные закладки, некоторые уже обтрепались. Адвокат работал честно. Спорил, подавал ходатайства, добивался вызова свидетелей, вытаскивал из протоколов то, на что следствие предпочитало не обращать внимания. Иногда я видел, как он удивляется тому, насколько легко ему удаётся получить очередной документ, доказать свою позицию и тому, что почти все его ходатайства удовлетворяются. Удивление он прятал. Вопросов мне не задавал.

- Сегодня долго будем? - спросил Равиль.

Самойлов поправил очки.

- Зависит от того, насколько подробно будут оглашать.

- Нам торопиться вроде некуда.

- Вам как раз есть куда.

Адвокат произнёс это тихо и тут же отошёл. Он нервно поправил галстук, и украдкой ещё раз взглянул на меня. Сегодня всё закончится, сегодня приговор. В этом странном деле, которое он считал безнадежно проигранным ещё до того, как суд начался. Шансов нет, так он сказал мне тогда. Теперь мы будем бороться за то, чтобы нас просто посадили, а не расстреляли...

Таня смотрела на меня, не отрываясь. Я старался отвечать ей взглядом, но между нами всё время кто-нибудь проходил. Сотрудница суда, конвойный, незнакомая женщина с блокнотом. Каждый раз Таня немного подавалась в сторону, чтобы снова меня увидеть. Я заметил, что обручальное кольцо на её руке стало свободнее.

Прокурор перебирал бумаги за своим столом. Молодой, аккуратный, с гладко причёсанными волосами. В начале процесса он выступал уверенно, говорил о тяжести содеянного, общественной опасности и недопустимости самовольного решения государственных вопросов, об организованной преступной группе. Потом уверенности поубавилось. Последние заседания он чаще читал по бумаге и почти не смотрел на нас. Сейчас перед ним лежало всего несколько листов. Он выровнял их по краю стола. Потом ещё раз.

- Встать, суд идёт!

Мы поднялись. Судья вошёл с усталым лицом человека, которому предстояло закончить длинную и неприятную работу. Устроился за столом, поправил лежавшие перед ним листы. В зале стало тихо. Только где-то сзади скрипнула скамья. Началось оглашение.

Я слушал собственную фамилию, год рождения, сведения о службе, семейном положении. Всё это уже звучало здесь много раз, но сегодня почему-то особенно резало слух. Чужой голос раскладывал мою жизнь по графам. Родился. Учился. Призван. Награждён. Уволен. Женат. О том, что между этими словами, в бумагах почти ничего не было. Когда перечисляли награды, Ильич слегка повернул голову к людям позади себя. Я знал этот его взгляд. Таким он смотрел на нерадивых офицеров, которые начинали рассуждать о чужой службе, не успев открыть личное дело.

Я опустил глаза. На полу возле ботинка лежала нитка. Светлая, длинная, свёрнутая петлёй. Наверное, от чьего-то пальто. Я смотрел на неё и слышал, как судья переходит от одного эпизода к другому.

В обвинительном заключении всё выглядело просто. Собрались, приобрели, проникли, вступили, применили, убили. Слова шли ровной цепочкой, и за каждым стояло действие, которое действительно было. Мы собирались. Оружие у нас было. Через посты и границы мы проходили. Стреляли тоже мы. И убивали, чего уж там.

Так начинался этот суд. А потом начали всплывать подробности. Кто видел передачу денег? Где изъяты конкретные стволы? Каким образом установлена их принадлежность? Доказан ли факт покупки оружия? На основании чего действия разных людей объединены общим умыслом? Точно ли они сговорились заранее, или просто в силы совместной службы сразу, как только наступила опасная ситуация просто действовали как их учили и подчинялись старшему из них по званию и бывшей должности? Кто подтвердил обстоятельства гибели тех, чьи фамилии появились в деле?

На предварительном следствии ответы находились быстро. Там вообще особо не разбирались. Казалось, доказательств нашей вины вагон и маленькая тележка. А вот в суде с ними возникли затруднения. с ответами и доказательствами.

Один свидетель ничего не смог вспомнить. Другой заявил, что подписал протокол, не прочитав. Третий вообще не приехал, а его прежние показания неожиданно оказались оформлены с такими нарушениями, что даже прокурор не стал особенно настаивать. Эксперт долго объяснял, чего его заключение ничего не доказывает. Справка, на которую следователь ссылался несколько раз, исчезла из дела. Взамен пришёл официальный ответ: указанными сведе-

ниями ведомство не располагает. Мы с Самойловым тогда переглянулись. Он первым отвёл глаза.

Судья перевернул страницу. Гриша рядом шумно выдохнул. Я почувствовал, как напряглось его плечо. Он слушал гораздо внимательнее меня, пытаясь понять смысл каждой формулировки. Иногда чуть подавался вперёд, словно от этого можно было лучше расслышать. Равиль стоял неподвижно. У него снова болела рука. Я видел, как он осторожно меняет положение кисти в наручнике. В сырой камере старая рана напомнила о себе, а тюремный врач всякий раз советовал одно и то же: меньше нагружать. Хороший совет. Особенно если у тебя руки пристёгнуты одна к другой.

Судья заговорил о показаниях освобождённых. Я поднял голову. За спинами людей виднелся Антон. Он стоял возле матери, немного опустив подбородок. На одном из прошлых заседании ему пришлось рассказывать о плене. Игорь тогда сидел, вцепившись пальцами в край скамьи, и смотрел в пол.

Сейчас Быков пустыми глазами смотрел на судью, явно прокручивая в голове тот кошмар, который пришлось пережить его сыну и его семье. Я вспомнил, каким Антон был в том дворе. Потом посмотрел на судью. Тот продолжал читать.

Из длинных предложений складывалось то, ради чего сюда приехала Таня, ради чего Макс бросил дела, а Ильич с утра надел лучший костюм. Обвинение не доказано. Показания противоречивы. Достоверно установить не представилось возможным. Неустранимые сомнения толкуются...

Слова были правильные. Самойлов добивался именно их. Я чувствовал только, как под воротником рубашки стекает пот. В камере перед выездом дали завтрак. Жидкую кашу и чай. Я почти ничего не съел, теперь желудок неприятно стянуло. Хотелось воды. Ещё хотелось расстегнуть верхнюю пуговицу, но для этого пришлось бы поднять скованные руки к самому лицу. Я остался стоять.

Где-то в зале всхлипнули. Судья сделал паузу, посмотрел поверх очков и продолжил. Когда прозвучало решение, я не сразу повернул голову к своим. Гриша замер с приоткрытым ртом. Игорь смотрел на сына и жену. Равиль смотрел прямо перед собой. Потом медленно опустил подбородок, словно проверяя, правильно ли расслышал. Али тихо что-то шептал. Остальных парней мне было не видно.

Позади кто-то сказал:

- Да ну на...

Председательствующий потребовал тишины. Дальше пошли наши фамилии. Каждая отдельно. Напротив каждой - оправдание. Отмена меры пресечения. Освобождение в зале суда.

Таня закрыла лицо ладонями. Макс повернулся к ней, что-то сказал. Она кивнула, вытерла щёки, но через секунду снова заплакала. Теперь уже не пряталась. Просто смотрела на меня и плакала. У Ильича дрогнула щека. Я видел, как он сжал челюсти. Судья дочитал порядок обжалования. Спросил, понятно ли нам решение.

- Понятно, - ответил я.

Остальные тоже отозвались, кто громче, кто тише. Мы всё ещё стояли в клетке. Решение уже прозвучало, люди в зале задвигались, адвокаты собирали бумаги, а замок пока оставался закрытым. Эта короткая задержка оказалась почему-то особенно неприятной.

Старший конвоя дождался знака судьи, достал ключи. Дверь открылась. Гриша повернулся ко мне. На лице у него было такое выражение, будто он боялся улыбнуться раньше времени.

- Всё что ли?

- Всё братва, - сказал я. - Задание выполнено, по домам.

Гриша выругался шёпотом и засмеялся. Равиль ткнул его плечом.

- Тише ты. Ещё обратно посадят.

- Пускай попробуют. - Тихо прохрипел Гриша - В следующий раз они нас хрен закроют. И так мы на рывок не ушли, только потому что Серый просил дождаться приговора.

Голос у Гриши сорвался. Он кашлянул и отвернулся к стене. Самойлов подошёл к клетке, держа папку под мышкой. Выглядел он теперь лет на десять старше, чем утром.

- Поздравляю.

- Спасибо, - ответил я.

- С документами потом разберёмся. Не сегодня.

- Хорошо.

Он посмотрел на меня внимательнее.

- Такого я точно не ожидал... Сергей я не знаю что происходит. А вы хоть понимаете?..

- Понимаю.

Самойлов немного постоял. Потом кивнул и отошёл, освобождая место конвойному. Таню пока не пускали. Она стояла в проходе рядом с Максом, прижимая пальцы ко рту. Я хотел сказать ей что-нибудь простое. Что всё закончилось. Что сейчас подойду. Что поедем домой. Сказать удалось только:

- Сейчас маленькая.

Она закивала, продолжая плакать. Я вздохнул и бросил взгляд за её спину. За её плечом, у самой двери, стоял мужчина в неброском сером костюме. Руки его были пусты, он скрестил их на груди. Я заметил его ещё в начале заседания и с тех пор старался туда не смотреть. Теперь наши взгляды встретились. Он едва заметно кивнул. Потом пропустил выходившую женщину и исчез в коридоре.

- Руки, - сказал молодой сержант.

Я повернулся к нему. Он вставил маленький ключ в замок, не сразу попал, нахмурился. С близкого расстояния было видно, что у него совсем ещё мальчишеская кожа, только на подбородке несколько красных точек после бритья. Первая дужка открылась. Я опустил освобождённую кисть. На запястье осталась красная полоса. Сержант взял вторую руку.

За его спиной Равиль уже обнимал Гришу. Кто-то смеялся. Макс звал меня по имени. Таня сделала шаг вперёд, и на этот раз её не остановили. Щёлкнул второй замок. Сержант снял наручники и отступил. Я растёр запястье большим пальцем и угрюмо окинул взглядом едва не прыгающих от радости людей. В отличии от них ни какой радости я не испытывал. Суд закончился, а вот история с нашим рейдом - нет.

Глава 2

Первый допрос начался ещё до того, как я окончательно понял, куда нас привезли. В машине я заснул, не смотря на рану, мешавшую облокотится на спинку сидения, а проснулся уже тут. Правда не понятно где именно. Комната, стены которой покрыты «шубой», железный стол, два табурета, прикрученные к полу намертво, железный ящик, куда следователь мог положить свои вещи и документы, закрыв их на замок. На окне металлические жалюзи. Перед массивной дверью с глазком и ограничителем на стальном тросе, локальная решётка. Обычная камера для допросов в СИЗО.

Человек напротив был чисто выбрит и аккуратно причёсан. От белого воротника его рубашки пахло свежим бельём и дорогим парфюмом. Этот запах смешивался с обычными и такими знакомыми запахами тюрьмы: запахом табачного дыма, въевшейся сырости, хлорки, застаревшего пота и старой бумаги. Густой, застоявшийся воздух замкнутого пространства.

У меня под повязкой засохла кровь, подкладка чужого бушлата прилипла к спине. Хотелось пить и лечь. Даже не спать - просто вытянуть ноги, закрыть глаза и перестать держать голову.

- Рассказывайте. – не стал тянуть мой собеседник.

- Врача сначала позовите.

Он поднял глаза.

- Вас что-то беспокоит?

Я посмотрел на него. Он что, издевается? Не знает, что я ранен? Прекрасно знает, и знает так же о том, что я уже несколько суток толком не спал. Сейчас, пользуясь тем, что мне хреново, что я хочу спать и почти не соображаю, он попытается получить от меня всё, что ему надо.

- Да так. День не задался. – Ответил я, и повел подбородком показывая себе за спину - Вот спину к примеру, до крови расчесал. Грязными руками. Инфекция может попасть.

Он не улыбнулся. Мне принесли воду, врач так и не пришел. Он начал снова. На этот раз без расплывчатых формулировок в вопросах. Начали с фамилии, бывшей службы, места работы. Потом пошли оружие, машины, деньги, люди. Кто предложил ехать? Кто собирал группу? Где покупали автоматы? Кто договаривался с проводниками? Какие задачи ставились? Сколько людей убили…

На часть вопросов, в основном тех, что касались моей прошлой биографии, я отвечал. На другие говорил, что без адвоката разговаривать не буду. Тогда человек откладывал в сторону ручку и объяснял, что я сам ухудшаю своё положение. Потом снова брал её в руки.

Я терял счёт времени. Часы у меня забрали вместе с остальными вещами. За окном давно стемнело, но ночь никак не заканчивалась. Один допрашивающий уходил, приходил другой. Иногда они разговаривали со мной вдвоём. Один говорил, второй молча писал. Стоило мне опустить голову, как меня окликали.

- Серёгин, не спать.

Я поднимал глаза. На столе появлялась новый стакан воды. Потом его уносили. В коридоре звонил телефон. Где-то хлопала дверь. Я ловил себя на том, что смотрю на рот человека напротив, а слов уже не понимаю.

- Кто отдал приказ применить оружие?

- По нам стреляли.

- Я задал другой вопрос.

- А я ответил.

- Вы считаете себя вправе решать, кого убивать?

- Вы там были?

Он откинулся на спинку стула.

- Сейчас речь о вас.

К утру меня начало знобить. В комнате было тепло, а зубы всё равно стучали. Я сцепил их, чтобы не слышал человек за столом. Повязка на спине намокла. Поднять руку становилось всё труднее. Когда я в очередной раз попросил врача, мне предложили сначала закончить.

- Что закончить?

- Ваши объяснения.

- Пишите: устал. Нужна медицинская помощь. Дальше без защитника не разговариваю.

Он подвинул ко мне лист.

- Тогда подпишите то, что уже сказали.

Я заставил себя прочитать. Читал долго. Строчки расплывались, приходилось возвращаться к началу. Несколько раз я останавливался и ждал, пока буквы снова соберутся в слова. Подписывать не стал. Того, что он там понаписал я точно не говорил. Человек напротив некоторое время молчал. Потом забрал лист и вышел. Больше в ту ночь меня не спрашивали.

В тюремном госпитале пахло хлоркой, лекарствами и прокисшей капустой. Мне дали помыться, переодели в серую, сильно поношенную пижаму и перевязали. Зарешеченную дверь палаты открыли и ватрухай подтолкнул меня в спину. От прострелившей спину боли я только скрипнул зубами.

- Заходи.

Я переступил порог и увидел Равиля. Он лежал у окна, вытянув поверх одеяла перебинтованную руку. Приподнялся, посмотрел на меня и покачал головой.

- Ну, здравствуй, командир.

На соседней койке сидел Гриша. Дальше, у стены, - Богдан. Ещё несколько знакомых лиц я разглядел, когда глаза привыкли к сумраку. Практически вся наша группа оказалась здесь, только по разным палатам. Не хватало разве что таблички на двери перед входом: выездное отделение «Кунара». Я хотел пошутить про это, но сил не осталось.

- Быков где?

- В соседней, - ответил Равиль. - Живой. Все живые здесь.

- А чего нас вместе поселили-то? – Удивился я – Насколько я знаю, это не положено.

- Ну иди, пожалуйся – Не весело усмехнулся Грища – Тут вообще всего четыре палаты, и одна из них женская. Некуда нас больше положить.

Я сел на свободную койку. Матрас продавился, железная сетка скрипнула. На тумбочке стояла эмалированная кружка с отбитым краем. Гриша протянул мне её.

- Пей.

Я выпил почти всё. Потом пришёл врач. Пожилой, лысеющий, с тяжёлыми веками. Осмотрел повязки, спросил, когда последний раз спал.

- Не помню. – Честно ответил я.

Он посмотрел на конвойного.

- Выйдите.

- Мне положено…

- За дверью постойте. Он у меня через окно не убежит.

Меня осмотрели, сделали укол. Врач что-то записал в карту, велел раздеться и лечь. Когда врач ушел, Равиль попытался расспрашивать, где меня держали. Я ответил, что потом. Заснул ещё до того, как голова долетела до набитой спрессовавшейся от времени ватой подушки.

Следующие дни прошли между сном, перевязками и вызовами к следователю. Сначала нас оставили в покое, но стоило немного прийти в себя, как всё началось заново. Теперь уже размеренно, с протоколами, постановлениями и подписями.

Каждого допрашивали отдельно. Наш поход раскладывали на эпизоды. Всё, что для нас было одним длинным выходом за Антоном, в деле превращалось в самостоятельные преступления. Сговор. Покупка оружия. Сбор людей. Перевозка. Применение. Погибшие. Про осво-

бождённых тоже спрашивали. Особенно подробно выясняли, могли ли мы забрать их иначе. Я однажды не выдержал:

- Вы мне сейчас этот способ назовите. Я запомню. В следующий раз пригодится.

Следователь отложил ручку.

- Следующего раза у вас Серёгин, может и не быть.

Макс, едва получил известие об арестах, начал искать защитников в Москве. Не одного на всех, а каждому своего. Людей, которые умели работать с тяжёлыми делами и не собирались ограничиваться просьбами учесть наши положительные характеристики. Об этом я узнал уже потом, когда ко мне впервые пришёл Самойлов. Он принёс с собой толстый блокнот, несколько пачек папирос и очень мало утешительных слов. Он дождался, пока нас оставят одних, сел напротив и внимательно посмотрел на меня.

- Сначала договоримся. Мне вы рассказываете всё. Даже то, о чём следствие пока не знает. Иначе защищать вас я не смогу. Каждая мелочь имеет значение.

Говорил он спокойно, без нажима. Уверенно говорил, и производил впечатление опытного профессионала. Впрочем, другого бы Макс мне и не нанял. И я всё рассказал.

Самойлов слушал, иногда задавал вопросы, делал пометки. Когда дошли до Антона, снял очки и некоторое время держал их в руке. Потом надел обратно.

- Теперь о неприятном. – Сказал он, когда я закончил.

- Давайте.

Самойлов открыл принесенный с собой уголовный кодекс. Радужных перспектив не было. Мы отправились туда по собственной инициативе, оружие приобрели незаконно, участвовали в боях, убивали людей. Часть обстоятельств следствие уже восстановило. Имелись свидетели, наши же первые объяснения, изъятое оружие, сведения с постов. То, что мы спасали людей, имело значение, но само по себе всего остального не отменяло.

= Но ведь нападали на нас, мне все придерживаемся этой позиции, это была самооборона.

- Сергей, защищаться можно в конкретной ситуации. Возникшей неожиданно. А следствие будет доказывать, что вы заранее создали эту ситуацию и приехали туда вооружённой группой.

- За заложником, которого оттуда не могло вытащить наше государство.

- Я услышал. Суд тоже услышит. Но готовиться нам нужно к самому плохому.

- Сколько?

Он не стал прятать глаза. Назвал сроки для остальных. Потом отдельно заговорил обо мне. Я слушал, глядя на его блокнот. На уголке страницы стояла маленькая клякса. Самойлов случайно задел её пальцем и размазал.

- Смертная казнь? - Переспросил я, когда он закончил.

Он кивнул, подтверждая только что сказанное.

- Я не могу исключить такого требования обвинения.

- Понятно. – Выдохнул я сквозь сжатые зубы.

- Нет. Пока не уверен, что понятно. Вы должны отказаться от мысли, будто кто-то обязан принять во внимание, где вы служили и кого вы спасли. Мы будем об этом говорить. Будем представлять доказательства. Но надеяться только на это нельзя.

На следующей встрече он сообщил, что коллеги оценивают положение примерно так же. Защита работала. Макс оплачивал поездки, собирались документы, разыскивали нужных людей. Макс так же занимался семьями, передачами, делами «Кунара». Через адвокатов приходили короткие записки от Тани. Бабушка требовала, чтобы я ел всё, что передают, и не смел болеть. Я читал её письмо несколько раз. Потом складывал и убирал, чтобы через некоторое время достать, и прочитать снова. Моя молодая жена ни в чем меня не обвиняла и не упрекала, в письмах были только слова поддержки и признания в любви, с обещанием ждать, сколько понадобиться. Прямо дежавю какое-то. В прошлой жизни я тоже читал письма от Тани

в тюрьме, и писала она примерно тоже самое. После прочтение этих писем на душе становилось легко и спокойно. На какое-то время…

Самым паршивым было ждать встреч с ребятами. В тюремном госпитале мы хотя бы лежали рядом. Позже нас развели, и общаться получалось только урывками. В машине, в коридоре, уже в суде, через тюремную нелегальную почту. Они смотрели на меня, спрашивали, что говорит адвокат. Я отвечал: работают. Больше сказать было нечего.

Ко мне пришли, когда дело уже слушалось в суде. После одного из заседаний вернули в изолятор, дали поесть. Я только устроился на койке, как открылась дверь.

- Серёгин, на выход.

Самойлов в тот день приходить не собирался. В кабинете меня ждали двое.

Один сидел за столом, второй стоял возле окна. Оба в гражданском. Тот, что сидел, был постарше, с тяжёлым лицом и коротко остриженными седыми волосами. Второй - тот самый мужчина, которого я потом увижу на оглашении приговора. Старший назвал фамилию и ведомство. Полковник Пономаренко, ФСБ.

- Присаживайтесь, Сергей Сергеевич.

Я сел. На столе лежала тонкая папка. Не наши многотомные дела, а всего несколько листов. Старший заметил мой взгляд.

- Всё основное здесь. Все доказанные следствием эпизоды и новые, которых в деле нет.

- Поздновато спохватились. Суд уже идёт.

- Именно поэтому я и позвал вас на разговор.

Он некоторое время смотрел на меня, словно решал, с чего начать. Потом открыл папку и зачитал несколько фамилий. Моих людей. Возле каждой назвал возможный срок. Я уже слышал похожее от адвоката. Только Самойлов говорил о том, чего опасается. Здесь это звучало почти как готовое решение.

- А мне? - спросил я.

- С вами хуже. Организатор, руководитель, непосредственный участник. Обвинение имеет основания требовать высшую меру.

- Так требуйте. – Усмехнулся я – А вот пугать меня не надо.

Мужчина возле окна повернул голову. Старший остался спокоен.

- Не торопитесь, Серёгин. Вам сейчас предлагают не признание подписать. Выслушайте.

- Слушаю. - Я откинулся на спинку стула.

Он начал издалека. С обстановки в стране, с расползающейся войны, с заложников, которых не всегда можно выкупить, и командиров, с которыми невозможно договориться. С территорий, куда нельзя отправить военных, не нарушив чужих обещаний и собственных официальных заявлений.

Я ждал. Наконец он перестал объяснять мне то, что я и так знал.

- В общем так Серёгин. Несмотря на то, что вы нарушили закон, действия вашей группы в некоторых кругах оцениваются очень высоко. Вы сделали большое и хорошее дело, пусть и не совсем законным способом. А нам нужны люди, способные так эффективно работать, там откуда вы недавно прибыли.

- У вас своих специалистов мало? – Я вскинул удивленно бровь. – Насколько я знаю, профессионалов нашего уровня в стране достаточно. Я знаю, о чем говорю, я сам их готовил.

- Для некоторых задач - достаточно. – Кивнул головой Понамаренко - Для других их участие создаёт больше проблем, чем решает. Если о действиях официальных групп спецназа армии или нашего ведомства станет известно, или противник завладеет хотя бы трупами офицеров, официально состоящих на службе, решить всё будет довольно сложно.

- А если что-то пойдет не так, наши трупы проблем не создадут?

Старший сцепил пальцы.

- Нет, не создадут. А что касается риска… Риск будет. Скрывать от вас бессмысленно.

Вот тогда я начал понимать, к чему ведётся разговор. Им требовалась группа. Без официального подчинения, без строевой части и без списков, которые можно запросить в кадровом управлении. Если потребуется - бывшие военные собрались по собственной инициативе. Решили заработать. Помочь знакомому. Свести счёты. Как именно это назовут, зависело бы от обстоятельств.

- В случае провала вы нас знать не будете, - сказал я.

- Официально вы и сейчас к нам отношения не имеете. И этого разговора, тоже не было. По-другому это не работает.

Я посмотрел на человека у окна. Тот подошёл к столу и сел сбоку. Дальше говорил в основном он, подробно излагая предложение, с которым они ко мне пришли.

Я должен был создать банду, а проще говоря незаконное вооружённое формирование. Устойчивое приступное сообщество, объединённое одной приступной целью, если говорить юридическим языком. Людей я должен был найти сам. Проверенных, подготовленных, готовых к такой работе. Содержание тоже на мне. Зарплаты, помощь семьям, лечение, всё повседневное хозяйство. Оружие и необходимую технику обещали предоставить. По военной линии. С подготовкой помогут, доступ к подходящей территории организуют. Только обустройство базы группы и полигона, насколько я понял, также предполагалось за мой счёт.

- То есть вы даёте мне работу, а плачу за неё я?

- Ваши предприятия получат возможность зарабатывать.

- Они и сейчас зарабатывают. Но недостаточно, чтобы содержать и обеспечивать маленькую армию.

- Смогут больше. Речь о государственных контрактах и поставках для армии. Объёмы, которых у вас пока нет.

Он произнёс это так буднично, словно мы обсуждали расширение кирпичного завода. Я представил Макса с калькулятором. Его лицо, когда выяснится, что вместо одной спасательной поездки я принёс нам постоянные расходы на вооружённых людей.

- Заказы оплачивать тоже обещаете?

Мой собеседник чуть заметно усмехнулся.

- С содействием поможем. Дальше вашим хозяйственникам придётся работать самостоятельно.

- А вам что от группы надо?

Заложники. Разведка. Полевые командиры, которые продолжали воевать, прикрываясь очередными переговорами. Вооружённые отряды, до которых официально никто не мог добраться. Ничего неожиданного. Кроме того, что теперь всё это предлагали мне.

Я долго молчал. Они не торопили. За дверью прошёл человек. Послышался звон ключей, короткий разговор. Я смотрел на закрытую папку и думал о ребятах. О Равиле, который едва мог повернуться на госпитальной койке. Об Игоре, добравшемся до сына и тут же оказавшемся за решёткой. О Богдане, которого сначала мы вытаскивали из-под огня, и который потом вернулся за нами с Гришей, несмотря на то, что сам едва ходил. Али так вообще был гражданином другой страны, действующим военнослужащим, и даже если решаться его проблемы здесь, на родине они могут возникнуть снова. О Мусе, вынужденному покинуть свой родной дом и бежать вместе с семьёй… Выбора похоже у меня особого и не было. Сейчас моей главной задачей было вытащить моих парней из тюрьмы, а дальше… дальше я уже попробую как-то выбраться из этой очередной жопы сам.

- Все выходят из тюрьмы с оправдательными приговорами, - сказал я наконец.

Старший поднял глаза.

- Это обсуждаемо.

- Нет. Это условие. Все, кто пошёл со мной. Без разделения на главных и второстепенных.

- Решение принимает суд.

Я подался вперёд.

- Тогда о чём мы разговариваем?

Он выдержал паузу.

- При вашем согласии мы обеспечим необходимую работу по делу.

- Мне не нужна работа по делу. Мне нужны люди на свободе. Не через пять лет. И не после того, как кто-нибудь согласится взять всё на себя.

Мужчина сбоку посмотрел на старшего. Тот медленно кивнул.

- Все.

Я ещё немного посидел молча.

- И в группу я их силой не потащу.

- Нам нужны добровольцы.

- Хорошо. Кто откажется, того оставляете в покое.

- Если он сам не даст повода.

Мне не понравилась эта оговорка. Они это увидели. Старший снова положил ладонь на папку.

- И ещё одно вы должны понимать. Не надо считать, что после суда прошлое исчезнет. Могут обнаружиться новые документы. Свидетели. Обстоятельства, которые сейчас не установлены. И учтите, сроки давности по тем статьям что вам предъявляют очень большие.

- И дело откроют заново. – Понятливо усмехнулся я.

- Такая возможность существует.

Он произнёс это без угрозы в голосе. Наверное, поэтому я запомнил каждое слово. Получалось, своих я вытаскивал. Но окончательно снять их с крючка мне не давали. Все рычаги воздействия на меня останутся у этих людей. И если однажды я решу, что с меня хватит, мне напомнят, сколько человек ходило за Антоном.

- Мне подумать надо. – Недолго посидев молча наконец сказал я.

- Думайте, - ответил старший. - Только недолго. Суд ждать не станет.

Я думал до утра. В камере уже спали, а я лежал и смотрел на светлое пятно под потолком. Время от времени в глазок заглядывал дежурный. Я закрывал глаза, потом снова открывал.

Можно было отказаться. Тогда Самойлов продолжал бы работать. Макс платил бы адвокатам. Ильич возил бы передачи. Таня ждала бы приговора. Равиль, Али, Игорь, Гриша и остальные получили бы свои сроки. Я - свой. В то, что меня расстреляют, я не верил, всё же я Герой Советского Союза, да и других смягчающих обстоятельств в деле хватало. Но дадут мне много, это к гадалке не ходи.

Я пытался представить, что скажу пацанам после суда. Что предложение было, но условия мне не понравились? Что я решил не позволять использовать себя, поэтому теперь они отправятся по этапу? К утру голова разболелась так, что пришлось попросить таблетку.

Через несколько дней меня снова вывели в тот же кабинет. На этот раз ждал только мужчина в сером костюме.

- Решили?

- Условия по людям остаются?

- Остаются.

- Все на свободе, без всяких там «ограничится отсиженным», амнистий и условных сроков.

- Все. Оправдательные приговоры.

Я кивнул.

- Тогда я согласен. Где подписать кровью?

После этого наше дело начало разваливаться. Не сразу. Не так, чтобы прокурор на следующем заседании встал и признал ошибку. Просто стали появляться ответы на запросы, которых адвокаты безуспешно добивались раньше. Важные для обвинения сведения переставали

подтверждаться. Свидетели путались в том, что до этого излагали уверенно. Документы, казавшиеся крепко подшитыми к делу, неожиданно теряли значение.

Самойлов поначалу решил, что это результат работы защиты. Отчасти так и было. Он действительно находил ошибки и противоречия. Только теперь ему позволяли их использовать. После одного из заседаний он остался возле клетки дольше обычного.

- Сергей, вы ничего не хотите мне рассказать?

- Что именно вас интересует? – Рассказать я ему естественно ничего не мог.

Он посмотрел на меня поверх очков.

- Вы понимаете, о чём я.

Я промолчал. Адвокат сжал губы, убрал бумаги в портфель.

- Хорошо. Значит, продолжим.

Парням я тоже ничего не объяснял. Они видели, что защита продвигается, и понемногу начинали верить в благополучный исход. Иногда даже строили планы. Равиль собирался в Казань. Гриша хотел выспаться без света, нормально помыться и съесть такую сковороду картошки, чтобы ни с кем не делиться. Али мечтал о бешбармаке. Игорь почти ни о чём не говорил. Ему нужен был сын.

Приговор прозвучал, своё обещание Понамаренко и стоящие за ним люди выполнили. Теперь наручники лежали в руке сержанта.

Я вышел из клетки. Таня подошла вплотную, обняла меня и уткнулась лицом в грудь. Я почувствовал, как дрожат её плечи, положил ладонь ей на затылок.

- Всё, - шептала она. - Серёжа, всё.

Я прижал её к себе. Через проход пробирался Макс. Равиль что-то быстро говорил своему отцу, Гриша смеялся, а Игорь стоял, обняв жену и сына. Конвойные собирались у выхода. Мы им больше не требовались. Мужчины в сером костюме уже не было. Я посмотрел на дверь, за которой он исчез, потом снова на Таню. Она подняла лицо.

- Поехали домой?

- Поехали.

Я поцеловал её в лоб и забрал у неё тяжёлую сумку. Домой мне разрешили. Остальное ещё предстояло отработать.

Глава 3

До дома оставалось три поворота, когда я попросил Макса остановить машину. Он посмотрел на меня в зеркало.

- Что такое братка?

- К бабушке забыли заехать сначала. Я чего-то задумался, а ты балбес мимо поворота пролетел.

- Сам балбес. Она у тебя.

Я повернулся к Тане. Та кивнула.

- Со вчерашнего дня. Была уверена, что ты вернёшься. Сказала, нечего нам из суда по всему городу кататься. И ещё сказала, чтобы никаких ресторанов.

- Ага блин. А мы ведь уже ресторан заказали, - добавил сидевший впереди Ильич. - Я утром заезжал. Там шуршат вовсю. Из кухни такие запахи… правда меня туда не пустили.

- Правильно сделали, - сказал Макс. - Ты бы до нашего приезда всё сожрал.

Ильич хотел что-то ответить, но только махнул рукой. Я откинулся на сиденье. Таня держала меня за руку. Не просто положила ладонь сверху, а крепко обхватила пальцы и всякий раз сжимала их, когда я шевелился. За всю дорогу она ни разу не спросила, как я себя чувствую. Только смотрела иногда в лицо, словно проверяла, здесь ли я ещё.

Город проплывал за окном знакомый и немного чужой. На перекрёстке возле бывшего хозяйственного магазина поставили светофор. Дом напротив оштукатурили, убрали леса, а на первом этаже вместо забитых фанерой окон появились большие стёкла. У остановки стоял новый автобус с надписью «Кунар» на борту. Люди заходили в переднюю дверь, женщина с двумя тяжёлыми сумками ругалась с кем-то внутри. Обычная жизнь. По которой я уже успел соскучиться.

- Автобусы ваши? - спросил я.

- Наши, - ответил Макс. – Подарок городу. Четыре уже на линии. Ещё два готовим.

- Размахнулся.

- Ты давно тут не был.

Сказано было без всякого намёка, но Таня сильнее сжала мою руку. Макс заметил это в зеркале и заговорил о дороге. Здесь переложили трубы, на соседней улице меняли теплотрассу, возле школы наконец убрали здоровенную лужу, которая каждую осень превращалась в небольшое озеро. Я слушал вполуха, глядя в окно. Хотелось просто смотреть.

В изоляторе я не раз представлял себе эту поездку. Думал, что буду чувствовать, когда увижу знакомые улицы. Радость, наверное. Облегчение. Что-нибудь сильное, от чего захочется смеяться или хотя бы глубоко вздохнуть. А сейчас просто смотрел в окно и замечал всякую ерунду. Новую вывеску. Срезанный тополь. Мужика на велосипеде с длинной доской под мышкой. Тот ехал посередине дороги, мешал машинам и был совершенно счастлив.

Возле моих ворот уже стояло несколько машин.

- Я же просил без толпы. – Нахмурился я.

- Тут только свои, - сказал Макс.

- У меня своих на батальон наберётся.

- Все не приехали. Так что считай, просьбу выполнили.

Ворота открыли ещё до того, как мы остановились. Знакомый охранник шагнул в сторону и улыбнулся мне так широко, будто я привёз ему премию за полгода. Бабушка стояла на крыльце. В старом своём платье, в светлом переднике. Я видел её на свиданиях, но там всё было иначе: стол между нами, чужой человек возле двери, отмеренное время. Здесь она стояла у моего дома и вытирала руки о передник, хотя вытирать было нечего. Я выбрался из машины и пошёл к ней.

- Ну здравствуй внучок, - сказала она.

- Здравствуй, бабуль.

Она взяла меня за подбородок, повернула лицо к свету. Посмотрела внимательно, с недоверием.

- Худой.

- Там не очень откармливали. – Попытался отшутится я.

- Я тебе сколько писала? Всё есть надо.

- Всё и ел.

- По тебе видно.

Я обнял её. Она оказалась маленькой, почти невесомой. Ладони легли мне на спину и тут же осторожно переместились выше.

- Болит ещё?

- Уже нет. – Честно ответил я – там царапина была.

- Врёшь.

- Честное пионерское. – Ответил я, и в шутку добавил - Век воли не видать.

- Не каркай, дурак! – Чтобы бабушка дала мне заслуженный подзатыльник, мне пришлось низко пригнуться, иначе она не доставала.

- Руки мой. Стынет всё.

Вот теперь я действительно почувствовал, что приехал домой.

За столом было тесно. У меня собрались все парни из нашей дружной «банды» и их родственники, которые приехали на суд. Равиль со своими приехал чуть позже нас. Гриша уже успел переодеться, и теперь на нём была новая рубашка, которую он всё время одёргивал на животе. Богдан сидел боком, осторожно устраиваясь на стуле. Белов следил за ним с другого конца стола. Муса с женой сидели и тихо разговаривали на родном языке, их дети со смехом бегали друг за другом. Али, увидев перед собой большое блюдо с мясом и тестом, только довольно покачал головой.

- Кто сказал? - спросил он.

- Про что? - не понял я.

- Про бешбармак.

- Тут у нас разведка тоже нормально работает, - ответил Ильич.

Бабушка не стала объяснять, откуда узнала, чего кому хотелось после тюрьмы. Только поставила перед Гришей отдельную сковороду картошки. Тот посмотрел на неё, потом на меня, потом на стол, на который ломился от всяких вкусностей.

- Командир, я, кажется, лишнего в тюряге наговорил. Столько в одного я не осилю.

- Ешь теперь. Сам просил.

Смеялись легко, по любому поводу. Равиль рассказывал, как утром, в суде, конвойный зачем-то спросил, есть ли у него жалобы, и отец ответил за него, что жалобы будут, если сына сегодня не выпустят. Гриша вспоминал тюремную баню. Ильич требовал, чтобы говорили о чём-нибудь приличном, потому что за столом женщины, а потом сам начал историю, от которой бабушка погрозила ему вилкой.

О Макара вспомнили, когда разлили по третей. Шум стих без команды. Равиль поднялся первым, остальные следом. Я тоже встал.

- За Макара.

Выпили молча. Бабушка опустила глаза. Таня сидела рядом со мной, положив руки на колени. Ей уже рассказали. Наверное, успели рассказать многое, пока я был за решёткой. Я поставил рюмку.

- По семье всё сделали?

Макс кивнул.

- Всё, о чём договаривались. Потом отдельно расскажу.

Я сел. В моей голове отложился первый пункт дел, которые нужно сделать не откладывая. Нужно навестить семью Макара. Самому пойти, а не отправлять посредников и просто откупаться деньгами. Теперь это мой крест до конца жизни.

Через некоторое время разговоры возобновились, но уже тише. Ближе к вечеру приехал Быков с женой и Антоном. В суде мы толком поговорить не успели, а сейчас Игорь застрял у входа: бабушка велела снять пиджак, Людмила Петровна, помогавшая Тане, забрала у его жены сумку, Ильич потащил дополнительные стулья.

Антон держался возле отца. Чистый, коротко подстриженный, в рубашке с застёгнутым воротом. На том дворе он выглядел младше своих лет. Сейчас - старше. Особенно когда не улыбался.

- Проходи, - сказал я. - Чего в дверях стоять?

- Здравствуйте, Сергей Сергеевич.

Мы пожали друг другу руки. Левую он держал опущенной, чуть развернув кисть к ноге. Я заставил себя не смотреть. Быков сел рядом с ним. Даже когда жена что-то спросила, повернулся к ней не всем корпусом, а только головой. Пацана из виду выпускать не хотел. За столом Игорь выпил немного. Почти всё время молчал и слушал остальных. Зато ел хорошо, с аппетитом, и мне почему-то было приятно на это смотреть.

- Ну, теперь заживём, - сказал Гриша, когда принесли чай.

- Ты сначала долечись, - отозвался Белов.

- Вот долечусь и заживу.

Все вокруг охотно согласились. Обсуждали поездки, работу, ремонт дома, который Равиль давно собирался закончить. Муса, который только мельком увидел тот дом, который купил для его семьи Макс, сказал, что забор низковат, и ворота нужно покрепче. В его родных местах приватность и безопасность семьи всегда стояла на первом месте. Али говорил, что ему надо возвращаться. У него тоже были свои дела и люди, ожидавшие его дома.

Для них всё закончилось. Тяжело, дорого, с потерями, но закончилось. Антон вернулся, остальные вышли из тюрьмы. Можно было лечиться, спать по ночам и ругаться с домашними из-за того, что снова забыл купить хлеб. Я слушал их и пил остывший чай.

На следующий день Макс приехал после обеда. Без Таниных вопросов не обошлось.

- Надолго забираешь?

- На пару часов.

- До ужина верните.

- Обязательно.

Она посмотрела на меня.

- И без этого вашего: ещё в одно место заедем.

- Понял.

У машины я остановился. За рулём сидел незнакомый мужчина, рядом с ним - наш охранник.

- Ты теперь сам не ездишь?

- Иногда езжу.

- В мэрии запретили?

Макс усмехнулся.

- Там много чего пытаются запретить. Садись.

О том, что он стал мэром, я узнал ещё в изоляторе. Сначала решил, что адвокат что-то перепутал. Потом получил от Макса письмо. Всего полстраницы о делах, и в самом конце: «Меня выбрали. Подробности при встрече». Подробности я тогда вытребовал через Самойлова. Выборы, в которых должен был участвовать я, действительно состоялись. Только вот теперь кандидатом от Кунара пришлось стать моему другу. И Макс действительно победил. Причём с таким отрывом, что спорить о результате никто всерьёз не пытался.

- Ну что, градоначальник, - сказал я, устраиваясь рядом с ним. - Показывай своё хозяйство.

- Начнём с нашего.

На базе «Кунара» стало теснее. За старым складом вырос ещё один, длинный, с широкими воротами. У ремонтных боксов стояли грузовики, возле нового навеса разгружали мешки. На площадке, где раньше ржавели две неисправные машины, теперь лежали ровные штабеля пиломатериала.

Я вышел и некоторое время просто стоял. Пахло соляркой, свежей доской и горячим металлом. Из мастерской доносился визг станка. Кто-то ругался возле крана, требуя поднять груз ещё немного, буквально на ладонь. Работали.

Пока мы сидели по камерам и ездили на заседания, здесь продолжали строить, возить, чинить и считать деньги. Начальник базы заметил нас первым. Потом начали подходить остальные. Здоровались, жали руку, спрашивали о здоровье. По словам Макса, на этой базе головному офису «Кунара» оставалось находится не долго. В центре города, не далеко от мэрии уже заканчивали строительство нового административного здания, куда и переберётся управляющая компания.

В конторе я сел на прежнее место. На столе стоял мой телефон, лежал перекидной календарь. Кто-то регулярно менял листки. Я провёл ладонью по столешнице. Макс заметил, но ничего не сказал. Достал из шкафа документы.

С делами у «Кунара» действительно всё было хорошо. Заводы и фабрика работали, транспорт приносил деньги, деревообработка получила новые заказы. Подтянули расчёты с поставщиками. Купили оборудование у предприятия, которое не пережило очередную смену хозяев. Людей оттуда тоже забрали - не всех, но тех, кому нашли работу.

- С бандитами как? - спросил я. – Пока нас не было новые гости не приезжали?

- Тихо. Не прям всё идеально конечно. По мелочи хватает. Но к нам не лезут. Боятся нас Серёга. Особенно после вашей поездки.

Оказывается, пока следствие старательно собирало наши преступления, по городу и за его пределами ходила совершенно другая версия событий. В ней тоже фигурировал похищенный бандитами мальчик, сын моего друга, только дальнейшие события были, скажем так, несколько преувеличены. Рассорившись из-за того, что какая-то сволочь посмела покусится на святое, мы приехали чуть ли не в центр мятежной республики, перебили полсотни полевых командиров, освободили несколько сотен заложников и вернулись, потеряв одного человека.

Каждый, кто пересказывал эту историю, добавлял что-нибудь своё. К тому времени, когда она дошла до областного центра, у меня уже имелись едва ли не собственные боевые вертолёты.

- Кто про вертолёты придумал? – Удивился я.

- Не знаю. – Заржал Макс – Но опровергать мы не стали. Серый, тебя теперь даже совсем отмороженные боятся. Раньше думали: ветеран, Герой, охрана сильная. Теперь знают, что ты можешь за одним человеком поехать туда, куда они и за большие деньги не сунутся. А потом ещё вернуться.

- И сесть.

- Сел бы - другое дело. А ты вышел.

В этом тоже был свой смысл. Оправдание наверняка восприняли как доказательство связей, о которых прежде только догадывались.

- Я надеюсь, наши этим не злоупотребляют?

Макс нахмурился.

- Ты про что?

- Про репутацию. Чтобы кто-нибудь не решил, что теперь можно чужое отжимать, прикрываясь моей фамилией.

- За такое я сам голову оторву. Пока ты сидел, здесь порядки не поменялись.

- Хорошо.

Он откинулся на спинку стула.

- Ты же понимаешь, что у нас сейчас половина города так или иначе с «Кунаром» связана? Кто сам работает, у кого жена, брат, сын. Кому материалы нужны, кому машина, кому заказ. Мы уже давно не просто охранная контора с мастерской.

Я понимал. Только масштаба до конца ещё не представлял. Потом мы проехали по городу. Макс показывал новые объекты, рассказывал про котельную, про школу, где пришлось срочно менять перекрытия, про рынок, который наконец удалось заставить платить в городской бюджет.

Его узнавали. Машина останавливалась, к ней подходили люди. Кто-то поздравлял меня, кто-то сразу обращался к Максу с вопросом. Он слушал, уточнял адрес, записывал на небольшом блокноте. Один мужик минут пять жаловался на крышу. Макс дождался, когда тот выговорится, и спросил:

- Ключи от чердака у кого?

Мужик замялся. Оказалось, крышу уже приходили смотреть. Дважды. Только попасть наверх не смогли.

- Вот завтра сами и проводите. А потом мне позвоните.

Мы отъехали.

- Ты теперь во все чердаки вникаешь? - спросил я.

- Если не вникать, к осени весь город на голову потечёт.

На обратной дороге он заговорил о районе. Два хозяйства просили помочь с техникой. Из соседнего посёлка приезжали насчёт ремонта автобусов. В области появились заказчики, которым были нужны наши объёмы и возможность работать без постоянных срывов.

- Там тоже закрепляться надо, - сказал Макс. - В городе нам уже тесно.

- Только не надорвись.

- Я не один.

Это было правдой. За ним стоял «Кунар», за «Кунаром» - сотни людей, их семьи, друзья, знакомые. В городе трудно было найти предприятие или учреждение, где у нас совсем никого не знали. Макс теперь сидел в мэрии, но от этого наша команда не перестала быть командой. Просто забот у неё стало больше. Я посмотрел на его усталое лицо.

- Со мной ещё проблем тебе добавится. Ты не всё знаешь брат.

Он повернулся ко мне, и внимательно уставился в глаза.

- Я так и думал, - сказал он наконец. - Самойлов слишком резко повеселел под конец. А до этого прямо говорил: готовьтесь к срокам. Потом вдруг всё стало получаться.

- Он хорошо работал.

- Знаю. Я ему за это заплатил и ещё заплачу. Только чудесами он не торгует.

Я посмотрел на водителя. Макс понял.

- Потом поговорим. Когда сможешь.

- Поговорим.

Он больше не расспрашивал. Уже возле дома сказал:

- Ты сначала отдохни. Хоть несколько дней.

Очень хотелось ответить, что никто мне этих дней не даст. Но пока никто и не торопил. Телефон молчал.

- Попробую.

Вечером бабушка уехала к себе. Я предложил остаться, но она даже слушать не стала.

- У меня дом есть.

- Я помню, но... – Договорить она мне не дала.

- Вот и не выдумывай. Лучше завтра приедете. Забор надо посмотреть возле клумбы.

- Что с ним?

- Столб наклонился.

Ильич, собиравшийся её отвезти, кашлянул в кулак.

- Там работы на полчаса. Я предлагал людей отправить, а она ни в какую. Потопчут, самим надо…

- Потопчут. Да. Кроме тех, кто в доме нашем живет, эта клумба и не нужна никому. А ты уже месяц эти полчаса найти не можешь, - сказала бабушка.

- Анна Ивановна, я же…

- Заводи машину.

Я проводил её до калитки. Она поправила мне ворот куртки, хотя он и так лежал ровно.

- Ты Таньку береги.

- Берегу.

Бабушка посмотрела внимательно.

- Вот и береги.

После их отъезда в доме стало непривычно тихо. Таня убрала со стола, не позволив мне помогать. Я всё равно унёс тарелки, за что получил полотенцем по руке. Потом мы вышли на веранду.

Вечер был тёплый, безветренный. За забором проехала машина, где-то неподалёку работал генератор. В саду пахло сырой землёй: днем прошел снег и днём растаял. Таня подвинула ко мне чашку с горячим чаем.

- С Максом всё посмотрели?

- Почти.

- Он мало спит.

- Я заметил. Морда снулая и худой совсем, хотя казалось бы – целый мэр. По всем законам природы должен толстеть и наглеть на глазах. Нонсенс.

- Ильич ругается, но сам такой же. Пока вы там были, они всё время куда-то ездили.

Я кивнул. Таня провела пальцем по ручке чашки.

- Серёжа, ты ведь мне что-то сказать хочешь?

Я посмотрел на неё.

- С чего взяла?

- Ты весь день начинаешь со мной говорить, а потом спрашиваешь, где лежат носки. Или сахар. Ты знаешь, где у нас сахар.

Я усмехнулся, но она не улыбнулась. Некоторое время я слушал, как в доме гудит холодильник.

- Помнишь, перед поездкой я говорил, что надо помочь Быкову?

- Конечно помню. Ведь именно из-за этого вы поехали туда. И слава богу вернулись, и мальчик жив.

- Да, мальчик жив, только… Я тогда и сам думал, что вернусь и всё. Дальше будем жить как прежде.

- А сейчас?

Я поставил чашку.

- Сейчас не могу тебе этого обещать.

Она опустила глаза. Потом аккуратно убрала со скамьи сложенный плед и положила на подоконник.

- Тебя опять куда-то отправляют?

- Пока нет.

- Но отправят. – Вопроса в её голосе больше не звучало.

Я не ответил сразу.

- Наверное. Я не могу рассказать подробности.

Она кивнула.

- Это я уже поняла. Не перебивай. - Я закрыл рот. Она повернулась ко мне. – Ты думаешь я дура и ничего не поняла? Ведь всё было плохо. Самойлов выходил ко мне и улыбаясь говорил, что всё будет нормально. Он говорит: всё идёт своим чередом. А потом я слышу, как он в коридоре с Максом разговаривает совсем другим голосом. Они говорили, что нужно готовиться к худшему. И вдруг, всё меняется, как по мановению волшебной палочки. Самойлов растерян, ты спокоен как удав, а суд встает на вашу сторону.

Она вернулась на скамью, села, оставив между нами немного места.

- Рассказывай Серёгин, и не вздумай врать. То, что можно рассказывай.

Я рассказал столько, сколько мог. Что разговор состоялся ещё до приговора. Что мне предложили работу, от которой зависело наше освобождение. Что согласился я сам. Про угрозу возобновить дело говорить не стал. Ей и без этого хватало. Таня слушала, не перебивая.

- А остальные? - спросила она.

- На свободе. Никто их никуда не заставит ехать.

- Тебя заставят?

Я потёр ладонью лицо.

- Я уже согласился.

Она долго смотрела в сад.

- Ты мог мне сказать раньше?

- В письме - нет.

- Через адвоката?

- Не хотел втягивать его.

- А меня сейчас зачем втягиваешь?

В её голосе не было злости. Только усталость. Я бы предпочёл злость.

- Потому что не хочу опять пообещать, что теперь всё будет спокойно, а потом собираться ночью и врать тебе про командировку.

Таня сцепила пальцы.

- Я не знаю, как на это отвечать.

- И не надо сейчас отвечать. Хорошенько подумай сначала. Я говорю тебе правду, и приму любое твоё решение. Не захочешь больше со мной мучится, я тебя отпущу, хотя и очень не хочу этого.

Она покачала головой.

- Ты опять всё за меня решил.

Я сел ближе, но прикасаться к ней не стал.

- Прости.

Она вытерла щёку тыльной стороной ладони. Сердито, будто слёзы мешали ей думать.

- Я не хочу снова приходить в пустой дом и думать, привезут тебя обратно в гробу, или мне придется несколько лет носить тебе передачки в тюрьму. Вот всё, что я сейчас знаю.

Мы сидели до темноты. Разговор несколько раз затихал, потом она задавала новый вопрос. Надолго ли могут отправить. Будет ли возможность звонить. Успею ли хотя бы долечиться. На большую часть я не знал ответа. Один раз чуть не сказал привычное: не волнуйся, всё будет нормально. Вовремя остановился. Когда стало прохладно, я принёс ей теплое одеяло. Она накинула его себе на плечи.

- Ладно Серёгин. Дура я конечно, но как говорится: в горе и в радости вместе. Ни куда я от тебя не уйду, не дождешься. Только ты если знать будешь, когда уезжаешь, скажи заранее.

- Скажу.

- И если не сможешь позвонить, пусть хоть кто-нибудь сообщит, что ты жив.

- Я постараюсь это устроить. - Таня кивнула. Потом взяла меня за руку. Мы ещё долго не заходили в дом.

Быков приехал через два дня. Я как раз возился у бабушки с забором. Ильич оказался прав: работы было ненадолго, если не считать того, что старый столб пришлось выкапывать, а новый искать у соседки в маленьком, забитом хламом сарае. Игорь посмотрел на лопату в моих руках.

- Помощник нужен?

- Ещё один советчик мне точно не нужен. Этот вон уже час руководит.

Ильич, сидевший на перевёрнутом ящике, возмутился:

- Я тебе сразу сказал, что глубже надо.

- Вот и копал бы.

Быков снял пальто, повесил на штакетину и взял вторую лопату. Вдвоём закончили быстро. Ильич проверил столб, толкнув его ногой, и объявил, что теперь до следующего века простоит. Бабушка вынесла воды и велела не расходиться: скоро обед. Мы с Игорем присели на самодельной лавочке, в тени сарая. Он пил медленно, маленькими глотками. Выглядел лучше, чем в день суда. По крайней мере, перестал быть похожим на человека, который всё время прислушивается к далёкой стрельбе.

- Как Антон? - спросил я.

- Потихоньку.

- Врачи что говорят?

- Рука зажал. По остальному пока смотрят. Силы набирает. - Он покрутил пустую кружку. - Ночью просыпается. Сначала не понимает, где находится. Мы свет в коридоре оставляем. Днём ничего. Вчера с матерью ходил в магазин. Сам предложил. А сегодня к своему приятелю собирался.

- Уже хорошо.

- Да.

Игорь наклонился, поставил кружку на землю.

- Я ведь так тебе и не сказал толком... - Он посмотрел на меня, и я понял.

- Игорь, не надо.

- Дай сказать.

Я откинулся к стене сарая.

- Я тогда уже не знал, что делать, - тихо произнёс он. - До тебя. Деньги собирал, людей искал. Каждый обещал помочь. Кто за деньги, кто просто так. А потом переставали трубку брать. - Я слушал. - Люда ночью думала, что я сплю. Сидела на кухне и плакала. Тихо так, чтобы я не услышал. А мне даже сказать ей было нечего.

Он сглотнул.

- Вчера прихожу, а они там вдвоём сидят. Она картошку чистит, он ей рассказывает что-то. Про приятеля своего. Я у двери остановился…

Быков замолчал и потёр переносицу. Из открытого окна бабушкиной квартиры донёсся голос Ильича. Он спорил с бабушкой, доказывая, что руки у него чистые и мыть их второй раз незачем.

- Спасибо тебе, Серый.

- Не мне одному.

- Знаю. Всем скажу. Но именно когда к тебе я пришёл, у меня появилась надежда. Ты всё поменял.

Поменял… Перед глазами отчего-то снова возникла комната в изоляторе. Тонкая папка на столе. Пономаренко, перечисляющий чужие сроки. Тогда я думал о том, как вытащить своих. Сейчас передо мной сидел Быков и рассказывал, как его жена чистила картошку, а сын разговаривал с ней о какой-то обычной мальчишеской ерунде. Ради этого мы и ехали. Не ради благодарности. Даже не ради того, чтобы Игорь перестал чувствовать себя беспомощным. Пацан должен был сидеть дома, есть материн обед, встречаться с друзьями. Жить. Ему ещё

столько предстояло сделать впервые. И где-то оставались другие, которым этого пока не позволяли. Я вовсе не обрадовался этой мысли. Мне хотелось остаться здесь. Доделать бабушкин забор, поехать к Тане, вечером лечь в собственную постель. Сил на новую войну я в себе ещё не чувствовал. Но Быков сидел рядом. Его сына мы всё-таки вернули.

- Если я тебе понадоблюсь… - начал Игорь.

- Сначала сына на ноги поставь. – Перебил я его.

- Я серьёзно.

- Я тоже. Ты ему сейчас нужен больше, чем кому бы то ни было.

Он хотел возразить, потом кивнул. Бабушка позвала нас обедать. Игорь поднялся, забрал пальто со штакетины и вдруг спросил:

- Слушай, а можно я своих привезу в воскресенье? Люда пирог испечёт. Антон хотел с Таней познакомиться нормально, а то всё как-то…

- Привози конечно. Ты знаешь, что вы мне как родные.

- Спасибо.

Он впервые за весь разговор улыбнулся. Мы пошли домой. Ильич уже сидел за столом и объяснял бабушке, что без его руководства мы бы этот столб криво поставили. Она не слушала, раскладывала по тарелкам еду. Я сел у окна, на своё старое место. В воскресенье приедут Быковы. Надо будет позвать Макса, Мусу и Равиля, пока тот не уехал. Таня наверняка начнёт готовить с самого утра и опять не позволит помочь. Можно будет поставить стол в саду, если погода не испортится. Я думал об этом и впервые за много месяцев строил планы дальше следующего судебного заседания. Пусть пока только до воскресенья.

Глава 4

До воскресенья я всё-таки решил не ждать. Позвонил Максу на работу, выслушал незнакомый женский голос, назвал фамилию. Через несколько секунд в трубке щёлкнуло.

- Чего случилось, братка?

- Поговорить надо. Сегодня вечером сможешь?

- Если город до вечера не развалится, смогу. Куда приехать?

- Ко мне. Равиля тоже позову.

Макс помолчал.

- Значит, серьёзно. После семи буду.

Равиля застал дома. Он собирался через несколько дней ехать в Казань и уже успел купить билеты.

- Отменять? - спросил он, когда я сказал про встречу.

- Пока ничего не отменяй.

- Не нравится мне это твоё «пока».

Мне оно тоже не нравилось. Весь день провозился с делами, до которых прежде не доходили руки. Возился в саду, расчищая дорожку до пирса, разобрал бумаги в кабинете, съездил к бабушке. Та заставила пообедать, потом дала с собой банку солёных огурцов и несколько раз напомнила, чтобы я не забыл её в машине. Вернувшись домой, обнаружил Таню возле раскрытого шкафа. Она держала в руках мою старую куртку, ту самую, которую я собирался выбросить ещё до поездки.

- Эту оставлять?

- Оставь. В гараже надевать буду.

- В гараже у тебя уже три висят.

- Значит, четвёртая будет.

Таня покачала головой и повесила куртку обратно.

- Макс звонил. Сказал, задержится на полчаса.

- Хорошо.

Она посмотрела на меня.

- Сегодня расскажешь им?

- Расскажу.

Больше спрашивать не стала. Только вечером, когда мы с Равилем уже сидели в кабинете, принесла чай, тарелку бутербродов и закрыла за собой дверь. Макс приехал без двадцати восемь. Усталый, злой и голодный. Сразу взял два бутерброда, один съел стоя, второй унёс к креслу.

- Водоканал, - пояснил он, заметив мой взгляд. - Полдня рассказывают, почему нельзя сделать то, что они должны были сделать неделю назад.

- Сделали?

- Завтра узнаю.

Он сел, расстегнул пиджак и посмотрел на меня.

- Ну, давай. Теперь ты порадуй.

Я не стал ходить вокруг да около.

- Нас выпустили не только благодаря адвокатам.

Равиль перестал размешивать сахар. Макс медленно дожевал, отряхнул пальцы над тарелкой и отставил её.

- Это я уже понял.

Я начал с первой встречи с Пономаренко. Рассказал, что мне предъявили, какие перспективы обрисовали и к чему в конце концов свели разговор. По мере того как я говорил, Равиль

всё сильнее хмурился. Макс слушал почти неподвижно. Только когда речь зашла о содержании группы, переспросил:

- За твой счёт?

- За мой.

- А государство?

- Оружие, техника. Помощь с подготовкой. Территорию обещали предоставить на полигоне какой-то бригады спецназа.

- Пустую?

- Пока не знаю.

- Понятно. Продолжай.

Рассказал я и про условия освобождения. И про то, что потребовал оправдательных приговоров для всех. И про оговорку насчёт вновь открывшихся обстоятельств. Равиль поставил чашку на стол.

- То есть мы у них теперь на привязи?

- Я у них на привязи. – Поправил я его - Про вас отдельно договорился. Никого заставлять не будут.

Он посмотрел на меня так, что я замолчал.

- Ты правда думаешь, что это только тебя касается?

- Равиль…

- Подожди. Ты нас из тюрьмы вытащил, согласившись на всё это. А теперь предлагаешь разъехаться по домам и считать, что ничего не произошло?

- Я предлагаю вам самим решать, что делать дальше.

- Хорошо. Я решил. Теперь дальше рассказывай.

Макс потёр переносицу.

- Не заводитесь. Серый, про деньги что обещали?

- Помощь с государственными контрактами. В первую очередь армейские поставки. Нам дают заработать, мы на эти деньги содержим группу.

Макс немного посидел молча, потом встал и подошёл к моему столу.

- Бумага есть?

Я выдвинул ящик. Он взял несколько чистых листов, ручку, вернулся в кресло. Писать на коленях ему оказалось неудобно. Пришлось всем троим пересесть к столу.

- Кто будет заказчиком?

- Пока не знаю.

- Что поставляем?

- Не обсуждали.

- Объёмы? Сроки оплаты? Аванс?

Я покачал головой. Макс кивнул, словно именно такого ответа и ожидал.

- Я так и знал. Ну а вообще они хорошо конечно придумали. Государству нужна группа. Ты её собираешь и содержишь. А в благодарность тебе разрешают ещё больше работать.

Равиль усмехнулся. Я тоже не удержался.

- Примерно так и сказал им.

- И что ответили?

- Что хозяйственникам придётся работать самостоятельно.

- Вот уж спасибо. - Макс расчертил лист на несколько частей. - Смотри, братка. Допустим, они действительно дают нам контракт. Не обещание посодействовать, а нормальный заказ. Его сначала выполнить надо. Закупить сырьё, выдать зарплату, оплатить свет, погрузить, отвезти. Потом добиться, чтобы всё приняли. И только после этого ждать расчёта.

- Аванс могут дать.

- Могут. А могут рассказать, что деньги вот-вот придут, поэтому начинать надо уже сейчас. Ты же военный, сам знаешь, как бывает.

Знал. И слишком хорошо.

- Людей твоих при этом кормить надо каждый день, - продолжил он. - Не после того, как какой-нибудь полковник подпишет накладную. Одевать, снабжать, машины заправлять. Если кто заболеет, или кого-то ранят, его не убедишь подождать до расчёта с заказчиком.

Равиль подтянул к себе чистый лист.

- Сколько человек для начала собираешься набрать?

- Я пока не знаю, какие задачи будут ставить, но думал, человек пятнадцать-двадцать.

Макс поднял голову.

- Только тех, кто на задания ходить будет?

- Да.

- А остальные?

- Какие остальные? - Удивился я.

Он посмотрел на Равиля. Тот нехотя улыбнулся.

- Серый, кто им еду готовить будет? Кто за хозяйством смотреть? Кто машины чинить? Или после занятий все дружно идём картошку чистить, а потом ты сам садишься её жарить будешь?

Я откинулся на спинку стула. В армии всё это было чьей-то службой. Существовали склады, столовые, ремонтники, вещевики. Они могли работать плохо, задерживать, путать, терять, но они были. Здесь пока был я. И двое друзей, которым я только что принёс ещё одну головную боль.

- Значит, посчитаем и остальных.

- Вот теперь правильно, - сказал Макс.

Первые полчаса мы занимались тем, что выясняли, чего я ещё не учёл. Получалось много. Я прекрасно представлял, кого хотел видеть в группе и как собирался готовить людей. Но стоило разговору свернуть к обычной жизни, как выяснялось, что за каждой моей задумкой тянется целое хозяйство. Людей надо где-то поселить. Даже если сначала на территории чужой части, всё равно потребуется договориться, кто оплачивает питание, отопление, электричество. Чем стирать бельё, где сушить одежду, кто закупает самое необходимое. Равиль записывал, временами задавая короткие вопросы. Макс считал. Сумма на листе росла с неприятной скоростью.

- Погоди, - сказал я наконец. - Половину этого нам могут дать.

- Могут, - согласился Макс. - Вот когда дадут, вычеркнем. Пока считаем так, будто покупать придётся самим.

- Ты бы в интендантах далеко пошёл.

- Я уже далеко пошёл. До мэра добрался. Теперь вот думаю, куда от вас дальше бежать.

Равиль отложил ручку.

- Не надо двадцать человек сразу. Сначала несколько проверенных. Тех, кто поможет всё организовать. Остальных будем смотреть постепенно. Пока место не увидели, пока сами не поняли, как жить будем, чего людей дёргать?

- Если дадут задачу раньше?

- Значит, скажешь, что не готов, - ответил он. - Ты же не можешь из воздуха всё достать.

Я помолчал. На переговорах в изоляторе мне казалось, что главное - добиться освобождения. Всё остальное потом как-нибудь устроится. Теперь это «потом» наступило, и друзья совершенно справедливо требовали объяснить, что именно я собираюсь устраивать.

- Я с ними ещё встречусь, - сказал я. - До набора. Надо многое уточнить.

- Обязательно, мы тебе целый список составим, - кивнул Макс. - И особенно надо выяснить, кто что оплачивает. Чтобы потом не выяснилось, что оружие тебе дали, а всё остальное ты почему-то сам должен был привезти.

Равиль задумчиво смотрел на свой лист.

- Людей у нас хватит. Но всех, кто с нами ездил, пока оставим в покое.

- Я так и собирался. Богдану лечиться. Игорю с сыном надо быть. Али вообще домой пора, у него своя служба. Мусу сначала устроить нормально. И тебе тоже домой пора. Билеты купил.

- Съезжу. Вернусь.

- Я серьёзно сейчас говорю.

Равиль положил ладонь на стол.

- Я тоже серьёзно отвечаю. К родителям съезжу, несколько дней побуду и вернусь. Или ты уже другого человека себе в заместители нашёл?

Я покачал головой.

- Не нашёл.

- Вот и не ищи.

К девяти Макс потребовал телефон. Позвонил управляющему, велел утром подготовить сведения по свободным средствам, ближайшим платежам и ожидаемым поступлениям. Послушал ответ, уточнил что-то про оплату оборудования и положил трубку.

- Точно завтра скажу. Сейчас только примерно.

- Насколько примерно?

- На начало тридцать миллионов можем выделить.

Я посмотрел на него. Цифра была большая, но после наших подсчётов уже не казалась такой уж внушительной.

- Сразу?

- Частями, в течение месяца. Не трогая зарплаты и расчёты с поставщиками. - Он передвинул лист. - На текущее содержание пока восемь миллионов в месяц. Выше десяти не поднимаемся без отдельного разговора. И то десять - если с поступлениями всё нормально будет.

Равиль взял со стола калькулятор.

- С небольшим составом уложимся.

- С очень небольшим, - уточнил Макс. - И без большого строительства. Увидите место - будем думать, что там необходимо сразу, а что подождёт. Это я на три месяца рассчитываю. При условии, что ты не решишь завтра бронепоезд купить.

- Не решу.

- Запомните оба. Свидетели есть.

Я взял лист и ещё раз просмотрел цифры.

- Моя доля…

- Учтена, - перебил Макс.

- Я не договорил.

- А я понял. Скажешь, чтобы всё шло из твоей доли. Можно. Только это ничего не меняет в расчётах. Прибыль за квартал не означает, что у нас эти деньги сегодня свободно лежат. - Он устало потёр лицо. - Ты видел, сколько на базе леса? Он оплачен. Машины, которые под разгрузкой стоят, тоже за горючее не добрыми словами рассчитываются. Мы сейчас много зарабатываем, Серый. Но и в работу вкладываем много.

- Я понимаю.

- Тогда договоримся сразу. Зарплаты не задерживаем. Деньги, которые людям на лечение и семьям выделяем, не трогаем. Под будущие обещания ничего не закладываем. Кредитами твою группу содержать не будем.

- Согласен.

- И через два месяца смотрим положение заново. Не когда последний рубль закончится, а заранее.

Я ещё раз сложил в уме расходы. Пришлось урезать свои первые планы почти наполовину. Отложить некоторые покупки. Отказаться от мысли сразу собрать всех, кого считал подходящими. Неприятно, но Макс был прав. Если я ради группы поставлю под удар предприятия, кормить потом окажется некого и нечем.

- Хорошо, - сказал я. - Начинаем в этих пределах. Всё, что сверху, обсуждаем втроём.

Макс впервые за вечер заметно расслабился.

- Вот теперь можно дальше разговаривать.

С распределением обязанностей долго не возились. Свою часть Макс определил сам.

- Предприятия и армейские заказы остаются на мне. Не в смысле, что я буду каждый вагон лично встречать. Есть директора, есть снабжение, есть бухгалтерия. Но решать, за что берёмся и сколько на этом можем заработать, буду я.

- Ты ещё и городом руководишь, - напомнил я.

- Поэтому и не собираюсь лично вагоны встречать. - Он вытащил из кармана записную книжку. - За время твоего отсутствия кое-кого пришлось выдвинуть. Работают. Пока не идеально, но уже не бегут ко мне с каждой гайкой. Иначе я бы до сих пор ночевал в конторе.

Я это уже заметил. На базе многое происходило без его участия, и ничего не разваливалось.

- От тебя мне нужен человек, с которым можно обсуждать поставки, - продолжил Макс. - Не тот, который обещает, а тот, который знает, что нужно, кому нужно и кто за это заплатит.

- Добьюсь встречи.

- И не соглашайся заранее на всё подряд. Мы можем многое. Но если им понадобятся самолётные двигатели, придётся искать другого поставщика.

Мне доставалась сама группа. Разговоры с теми, кто дал предложение, задачи, люди, подготовка, командование и ответственность за результат. Последнее никто вслух не произнёс. Это и так было понятно. Равиль взял на себя обеспечение и помощь с отбором.

- Сначала пройдусь по нашему хозяйству, - сказал он. - Посмотрю, что можно выделить. Только с ведома тех, у кого забираем.

- Обязательно, - кивнул Макс. - А то потом выясняется, что машину отдали на два дня, а через месяц она в другом конце страны сгорела.

- Это ты на кого намекаешь? - спросил я.

- На человека, который однажды взял у нас три джипа ненадолго. А вернул один, весь пулями простреляннный как решето.

- Вернул же. А остальные на ЗИЛ поменял, почти на ходу.

Равиль рассмеялся. Макс не выдержал и тоже улыбнулся. Потом снова заговорили серьёзно. Охрану «Кунара» решили не обескровливать. Если кто-то оттуда захочет перейти ко мне, сначала надо найти ему замену. Заводы, склады и перевозки без надёжных людей оставлять было нельзя. Равиль должен был поговорить со знакомыми ветеранами, выяснить, кто где работает и в каком состоянии находится. Без громких обещаний. Для начала просто понять, с кем стоит встречаться.

- Только учти, - сказал он, - если мужик хороший, это ещё не значит, что ему к нам надо.

Я посмотрел на него.

- Знаю.

- Знаешь. А потом увидишь бывшего сослуживца, у которого дома жрать нечего, и возьмёшь.

Возразить хотелось. Только я и сам понимал, что именно так и мог поступить.

- Будем вдвоём решать.

- Вот и договорились.

Отдельно записали выплаты семьям на случай ранения или гибели. Макс долго водил карандашом по краю листа, потом сказал:

- Под это деньги сразу откладываем. Не когда случится, - добавил он. - Сразу. Небольшими частями, но чтобы лежали.

Я кивнул. Перед глазами на мгновение возник Макар. Каким был до поездки: живым, насмешливым, уверенным, что всё у нас получится.

- Это в первую очередь.

Таня позвала нас ужинать, когда мы уже начали второй раз обсуждать одно и то же. Макс собрал бумаги в стопку.

- Всё. Хватит на сегодня.

- Ещё одну вещь хочу вам сказать, - остановил я его. Я посмотрел на них обоих. - Вы должны понимать, во что ввязываетесь. Тут не только деньги. Если что-то пойдёт не так, спрашивать будут и с вас.

Равиль откинулся на стуле.

- А до этого не спрашивали?

- Я не шучу.

- Мы заметили.

Макс положил бумаги обратно.

- Серый, ты нам условия рассказал?

- Рассказал.

- Про риски рассказал?

- Да.

- Ну вот. Теперь наша очередь решить. - Я помолчал. Он посмотрел на меня почти сердито. - Не надо за нас второй раз думать. В изоляторе у тебя выбора толком не было, я понимаю. Сейчас мы здесь сидим. Сами. И говорить умеем.

Равиль кивнул.

- Я остаюсь.

Макс ткнул пальцем в исписанные листы.

- А я, по-моему, уже час как деньги распределяю.

Я опустил глаза на стол. На нём остались круги от чашек, крошки, ручка без колпачка. Обычный домашний кабинет, в котором ещё недавно я разбирал счета за стройматериалы и ругался из-за сорванной поставки досок.

- Спасибо, - сказал я.

Равиль поморщился.

- Потом скажешь. Когда в выделенную сумму уложишься.

За ужином говорили уже о другом. Макс жаловался на городские трубы, Равиль рассказывал, что отец собрался сам переделывать печь на даче и теперь ищет, кому бы поручить самую тяжёлую работу. Таня слушала, подкладывала еду и изредка поглядывала на меня. Она сразу заметила, что мне стало легче. После одиннадцати друзья засобирались. В прихожей Макс долго шарил по карманам, искал ключи, потом вспомнил, что приехал с водителем.

- Всё, - сказал Равиль. - Человека власть окончательно испортила. Уже забыл, как машина заводится.

- Зато я помню, сколько бензин стоит. Завтра тебе напомню.

У ворот они ещё раз сверили, во сколько встретятся на базе. Я проводил обе машины взглядом и вернулся в дом. Таня собирала чашки в кабинете. Я забрал у неё поднос.

- О чём договорились? - спросила она.

- Помогут.

Она посмотрела на меня с лёгким удивлением.

- А ты сомневался?

- Нет.

- Тогда почему такой был, будто тебя одного со всем этим оставили?

Я не сразу нашёл, что ответить. Она провела ладонью по моей щеке и пошла на кухню. Я остался у стола, на котором лежал мой экземпляр расчётов. Тридцать миллионов на начало. Восемь в месяц. Через два месяца пересмотр. Я сложил бумаги и убрал в ящик. Завтра предстояло связаться с Пономаренко. Узнать про территорию, поставки, сроки. Добиться конкретных ответов. Теперь я уже знал, о чём спрашивать. И знал, сколько времени мы сможем работать, если обещанная помощь так и останется обещанной.

Глава 5

Пономаренко позвонил сам, когда я собирался выходить из дома. Таня уже ушла, а я никак не мог найти записную книжку. Вчера положил её так, чтобы утром сразу взять, и теперь обшаривал кабинет, понемногу начиная злиться.

- Сергей? Доброе утро.

Голос я узнал сразу. Я перестал перебирать бумаги.

- Доброе. – Поздоровался я.

- Как дома устроились?

- Спасибо, нормально.

- Рад слышать. И с освобождением вас. Лично поздравить пока не получилось.

- Спасибо. Я как раз собирался с вами связаться.

- Значит, вовремя звоню. Сегодня сможете уделить мне день?

- Что, уже пора?

- Пора приступать к работе. Подробности при встрече. К десяти за вами приедет машина.

Я посмотрел на часы. Оставалось чуть больше часа.

- Куда едем?

- Посмотрите место, о котором мы говорили.

- У меня к вам тоже вопросы есть.

- Возьмите с собой. В дороге времени хватит поговорить.

Он попрощался и положил трубку. Я ещё несколько секунд держал её в руке, потом набрал Макса. Тот ответил почти сразу.

- Сами позвонили, - сказал я. - Через час заберут. Повезут территорию показывать.

- Бумаги наши возьми. – Напомнил мне Макс - И смотри там внимательно. Особенно воду, отопление и крышу. А то дадут тебе четыре стены, потом окажется, что дешевле новые построить.

- Обижаешь начальник. Я всё-таки строительным кооперативом руководил.

- Вот об этом им лучше сразу не рассказывай. А то ещё соседнюю казарму заодно отремонтировать предложат.

Записную книжку я нашёл под газетой на кухонном столе. Убрал её в карман, вернулся в кабинет за нашими расчётами. Машина подошла без пяти десять. Обычная тёмная «Волга» с московскими номерами, водитель в гражданском. Он вышел, уточнил фамилию и открыл заднюю дверь. Я запер дом, проверил калитку и сел. Пономаренко ждал в городе, возле здания ФСБ. Когда мы остановились, он вышел из-под козырька с кожаным портфелем в руке.

- Здравствуйте, Сергей.

Рукопожатие у него было крепкое, ладонь сухая. Выглядел он так же, как при нашей последней встрече: аккуратный костюм, неброский галстук, спокойное лицо. Только тогда я сидел напротив него в тюремной одежде, а теперь мог хотя бы сам решать, куда деть руки. Пономаренко устроился рядом.

- Поехали.

Водитель тронул машину.

- Отдохнули немного? - спросил Пономаренко. - С близкими увиделись?

- И отдохнул и увиделся. - Я вытащил из кармана сложенные листы. - Давайте сразу к делу. Пока далеко не уехали. Когда от меня ждут готовую группу?

- Для начала нужно понять, сколько времени вам потребуется.

- Это зависит от того, что именно вы собираетесь мне дать. И кого я должен готовить. Пятерых человек для одной поездки или постоянный состав, который будет жить на базе?

- Постоянный состав. Численность вы предложите сами.

- Под какие задачи?

Пономаренко повернулся ко мне.

- Общие задачи мы обсуждали.

- Общие - да. Но освободить нескольких заложников и месяц работать где-нибудь за границей - разные вещи. Люди нужны разные. Снабжение, подготовка. И расходы тоже.

- Начните с небольшой группы. Состав должен позволять выполнять задачи самостоятельно, без привлечения посторонних.

- Посторонних в каком смысле?

- Водителей, специалистов по связи, людей, которые будут обслуживать технику. Вы лучше меня знаете, кто вам потребуется.

Пока я этого как раз не знал. Вчера мы с Максом и Равилем только начали разбираться, сколько народу тянется следом за моими пятнадцатью-двадцатью бойцами. Судя по началу разговора, список предстояло расширить.

- Хорошо. Финансовая часть. С кем моему человеку разговаривать?

Пономаренко раскрыл портфель, достал небольшой листок и протянул мне. Две фамилии. Напротив каждой - имя, отчество, московский телефон и добавочный номер.

- Первый занимается номенклатурой поставок. С ним ваш партнёр обсудит, что ваши предприятия могут предложить. Второй - организационные вопросы и выход на заказчиков. О звонке предупреждены.

- Макс будет звонить от своего имени?

- Разумеется. Представится, скажет, что по моей рекомендации.

- Про группу говорить?

- Нет. Для этих людей он руководитель предприятий, заинтересованный в армейских заказах.

Я прочитал фамилии ещё раз и убрал листок в записную книжку.

- Нам обещали дать возможность заработать на содержание группы. А получится, что Максу ещё полгода по кабинетам ходить?

- Первые переговоры можно провести в ближайшие дни.

- Переговоры людей не кормят.

Пономаренко чуть помедлил.

- Сергей, завтра деньги на расчётный счёт не поступят. Вашему партнёру помогут получить конкретные заказы. Выполнять их придётся самим.

- Это мы уже поняли. Поэтому и спрашиваем про сроки.

- Пусть позвонит. Тогда разговор станет предметным.

За окнами потянулись склады, железнодорожные пути. Город оставался позади. Я некоторое время смотрел на мелькающие столбы, потом вернулся к листам.

- Оружие и техника?

- Получите на месте.

Я поднял глаза.

- Сегодня? Надо было заранее предупредить.

- Сегодня обсудите с командиром части, что необходимо в первую очередь. Передавать будут по мере готовности вашей базы.

- Через Министерство обороны?

- Через бригаду, где вы будете дислоцироваться.

- На каком основании?

- Порядок определён.

По его тону я понял, что до приезда больше ничего не добьюсь. Сложил бумаги, убрал в карман. Через два часа дорога свернула к лесу. Асфальт здесь был старый, с заплатами, однако обочины выкошены, а поваленных деревьев возле дороги не лежало. Потом потянулся бетон-

ный забор. На контрольно-пропускном пункте нас ждали. Дежурный офицер сверил документы, заглянул в машину, задержав на мне взгляд чуть дольше необходимого. Позвонил куда-то из своей будки. Через минуту ворота открылись. За ними начиналась обычная воинская часть. Плац, казармы, штаб. У столовой двое солдат разгружали мешки из кузова грузовика. По дорожке шёл старшина, навстречу ему торопился молодой лейтенант. Из-за дальнего здания донеслась команда, потом дробный топот сапог.

Я невольно выпрямился. До этого момента обещанная территория оставалась для меня просто местом, которое где-то выделят. Теперь появились знакомые запахи солярки, мокрой хвои и армейской кухни. Всё это я когда-то оставил, причём вполне сознательно.

«Волга» остановилась возле штаба. У входа нас встретил подполковник. Представился начальником штаба, провёл на второй этаж и постучал в обитую дерматином дверь.

Командир бригады оказался широкоплечим полковником лет пятидесяти. Коротко стриженный, с тяжёлым подбородком и усталыми глазами. Он вышел из-за стола, поздоровался с Пономаренко, затем повернулся ко мне.

- Серёгин?

- Так точно.

- Воронцов.

Мы пожали руки. Он кивнул на стулья. На столе перед ним лежала схема территории, угол которой прижимал тяжёлый стеклянный стакан с карандашами.

- С освобождением, - сказал полковник. - Слышал про вашу историю.

- Спасибо.

- Чай будете?

Пономаренко посмотрел на часы.

- Если можно, сначала участок. Потом переговорим.

- Можно.

Воронцов свернул схему, взял её под мышку. Я остался возле стула.

- Разрешите вопрос?

- Спрашивайте.

- Мне объяснили, что вопросами группы занимается Пономаренко. Размещаться мы будем у вас. Кому я в итоге подчиняюсь?

Начальник штаба перевёл взгляд на Пономаренко. Тот ответил не сразу:

- По вашей работе контакт остаётся прежним. Все вопросы - через меня.

- А командование бригады?

Воронцов положил схему обратно на стол.

- Давайте сразу проясним. Задачи вашей группе я ставить не буду. Выделять из неё людей в караул, наряды или на работы тоже не собираюсь. У меня своя бригада, со своими обязанностями. Но пропускной режим, пожарная безопасность, порядок на территории части касаются всех. Если ваши люди наделают здесь дел, ссылаться на особое положение не получится.

- С этим согласен. – Кивнул я.

- Учебные объекты бригады - по согласованию. Есть возможность, выделим время. Нет - будете ждать. Подготовку подразделений ради ваших планов срывать не стану.

- А допуск ваших военнослужащих к нам?

- Сейчас посмотрим место, тогда объясню.

Я повернулся к Пономаренко.

- Кто всё это организует? Ваше ведомство? Министерство обороны?

Он с каменным лицом посмотрел на меня и сухо ответил:

- Решение о размещении согласовано.

- Я не про разрешение на въезд спрашиваю.

- Сергей, вашим куратором остаюсь я.

Воронцов отвёл взгляд к окну. В разговор он не полез. Я понял, что при нём ответа не получу, и больше расспрашивать не стал.

До участка ехали на командирском УАЗе. Миновали автопарк, свернули возле длинного кирпичного склада и дальше пошли по дороге, которую давно не ремонтировали. Между бетонными плитами пробилась трава, ветви придорожных кустов скребли по брезентовому верху машины.

- Раньше здесь отдельный десантно-штурмовой батальон стоял, - сказал Воронцов. - Потом его убрали. Часть помещений под хранение приспособили, остальное пустовало.

Я посмотрел на него.

- Весь батальон здесь размещался?

- С обеспечением и техникой.

- И всё это нам?

- Сейчас границы покажу.

УАЗ остановился возле провисших створок ворот. Одна ещё держалась на обеих петлях, вторую подперли обрезком бревна. На столбе сохранился выцветший щит с требованием соблюдать пожарную безопасность.

За воротами рос бурьян. Посреди площадки стояла двухэтажная казарма из жёлтого кирпича. На первом этаже несколько окон забили досками, на втором в рамах темнели пустоты. Водосточная труба оторвалась от креплений и лежала вдоль стены. Слева тянулись склады. Дальше виднелось длинное здание с широкими воротами. За ним - низкие хозяйственные постройки, остатки навесов, ржавые ёмкости. Между деревьями белел угол ещё одного двухэтажного корпуса. С первого взгляда оценить всю территорию не получалось. Она уходила дальше, чем я ожидал. Воронцов развернул схему на капоте.

- Вот ваш участок. Несколько гектаров. Здесь основной городок, дальше бывшая учебная зона батальона. Граница проходит по канаве, потом вдоль просеки и возвращается к внешней дороге. Я проследил пальцем линию.

- До этого поворота?

- Да.

Посмотрел в указанную сторону. Из-за деревьев поворота видно не было. Пономаренко стоял рядом, наблюдал за мной.

- Отдельный подъезд есть? - спросил я.

- Есть, - ответил полковник. - Раньше технику и грузы заводили с внешней дороги. Ворота сейчас закрыты, дорога заросла, но основание целое.

- Через бригаду ездить не придётся?

- Для повседневного снабжения - нет.

Я снова посмотрел на схему. Пространства хватало с запасом. Даже слишком, если вспомнить вчерашние расчёты.

- Что здесь собираются размещать? - спросил я.

Пономаренко слегка нахмурился.

- Вашу группу.

- Для двадцати человек батальонный городок великоват.

- Сегодня у вас и двадцати нет. Территорию выделяют с расчётом на дальнейшую работу.

- Насколько дальнейшую?

- Это будет зависеть в том числе от вас.

Я убрал руку со схемы. Когда сидел в изоляторе, представлял всё намного проще. Несколько проверенных людей, место для подготовки, оружие. Получили задачу, подготовились, выехали. Теперь передо мной лежал план целого хозяйства. Казарма. Склады. Техника. Учебная территория. И всё это предстояло содержать.

Казарму открывал прапорщик, приехавший следом за нами на грузовике. Он долго подбирал ключ, потом навалился плечом на дверь, которая со скрипом открылась.

Внутри пахло сыростью. На стене висела доска с кармашками, в одном сохранился пожелтевший лист с фамилиями. Ниже кто-то нацарапал гвоздём неприличное слово. Судя по затёртым краям, надпись была старше большинства нынешних солдат бригады. В спальном помещении стояли три железные кровати без сеток, несколько тумбочек свалили в угол. На потолке возле наружной стены расползлось тёмное пятно.

- Давно течёт?

Прапорщик посмотрел вверх.

- Не первый год.

- Кровлю смотрели?

- Сам не смотрел. Бойцы докладывали.

Ответ был исчерпывающий, мы пошли дальше. В умывальной половины кранов не оказалось. Две раковины разбиты, трубы покрылись ржавчиной, батареи отопления оказались размороженными, лопнувшие куски чугуна лежали на полу. Зато стояки оставались на месте, стены никто не долбил.

- Вода подведена? – Поинтересовался я.

- Подведена, - сказал Воронцов. - Участок отключён. Состояние сети надо проверять.

- Канализация?

- Общая с гарнизоном.

- Отопление?

- Своя котельная. Её тоже смотреть придётся.

На втором этаже оказалось суше. В одном крыле потолок выглядел нормально, пол под ногами не гулял. Я открыл несколько дверей, прошёл до конца коридора. Первых людей можно поселить здесь. Несколько комнат привести в порядок, остальные пока закрыть. Только крышу придётся делать сразу. И воду. И отопление. И дохрена чего ещё…

- Штабной корпус отдельно? - спросил я.

- Да. Сейчас посмотрим, - ответил Воронцов.

В бывшем штабе батальона сохранились кабинеты, небольшой зал, комнаты связи. Стены ободраны, кое-где сняты двери, но само здание выглядело крепким. Я посмотрел на пустой коридор. Пока мне одного кабинета хватало с избытком. Но здесь можно было разместить связь, помещение для подготовки к выходам, хранить документы. Медика тоже лучше держать поблизости, а не искать среди кроватей.

За штабом стояла бывшая столовая. В обеденном зале ещё сохранились несколько длинных столов. На кухне было хуже: часть оборудования вывезли, оставшееся давно не включали. Я остановился у входа в моечную.

Вот здесь уже без повара не обойтись. И одной женщиной, которая дома вкусно готовит, тоже не отделаешься. Продукты принимать, хранить, выдавать, посуду мыть, за кухней следить. Хозблок нужен нормальный, со стиркой, сушкой, запасом белья и одежды. Равиль вчера тоже об этом говорил. Я ещё думал, что он перестраховывается.

Длинное здание с широкими воротами оказалось бывшим парком батальона. Крытый ангар сохранился неплохо. На бетонном полу стояли старые поддоны, в углу громоздились шины, вдоль стены темнели следы от когда-то установленных шкафов. Открыв вторые ворота, прапорщик впустил внутрь полосу света. Под крышей хватало места для хранения техники и ремонта. Снаружи располагались площадки для стоянки. Бетон местами растрескался, но просадки я не увидел.

- Это восстанавливать можно, - сказал я.

Воронцов кивнул.

- Самое живое здание здесь.

- Техника какая предполагается? – Повернулся я к нему.

Он посмотрел на Пономаренко.

- Составите заявку, - сказал полковник. - По автомобилям возможности есть. По броне отдельно посмотрим.

Я повернулся к нему.

- По броне?!

- Вы самостоятельную группу создаёте. При необходимости нужна будет и бронетехника. Хотя бы для полноценного обучения бойцов.

Несколько секунд я молчал. Ещё вчера мы с парнями шутили про три джипа и ЗИЛ. Теперь разговор шёл о машинах, для которых мало найти человека с водительским удостоверением.

- Кто передавать будет?

- Мы. – Вместо Понамаренко ответил Воронцов.

- С экипажами?

- Нет, Серёгин. Людей подбирать вам.

Я посмотрел на пустой ангар. Механики-водители. Водители грузовиков. Толковый ремонтник, лучше два. Кто-то должен следить за аккумуляторами, горючим, маслами, запчастями. Машина может месяц простоять, а потом понадобиться ночью, срочно и сразу исправная. И всем этим тоже предстояло заниматься нам.

- На каком основании передадите? - спросил я. – И технику и оружие.

Воронцов провёл ладонью по подбородку.

- По нашим документам имущество будет списано.

Я посмотрел на него внимательнее.

- Мне неисправная техника и тем более оружие не нужны.

- Неисправную никто и не предлагает. Получите в рабочем состоянии. Часть имущества вообще новая будет.

Он говорил без охоты. Похоже, эта сторона договорённостей ему нравилась не больше, чем мне. Я перевёл взгляд на Пономаренко.

- То есть на бумаге их уже нет. А у меня они есть.

- Вопрос передачи согласован, - ответил он.

- Я понял, что согласован. Как я ту же технику за пределы части вывозить буду? Регистрация, номера…

- До передачи получите необходимые разъяснения. Сейчас определите потребности.

Опять потом. Я сдержался, хотя хотелось потребовать, чтобы он наконец перестал выдавать ответы чайной ложкой. Полковник здесь ни при чём. Ему тоже, скорее всего, спустили решение сверху. Но после слов про списание стало окончательно понятно: обычной помощью частному лицу всё это не ограничивается.

За складами начиналась учебная территория. Когда-то здесь косили траву и регулярно гоняли людей. Теперь дорожки заросли, у края площадки поднялся молодой березняк. Из бурьяна торчали металлические перекладины, дальше виднелись остатки полосы препятствий. Я прошёл вперёд, обошёл покосившуюся стенку. За ней земля понижалась, потом снова поднималась к лесу. Слева тянулось открытое пространство, отделённое от жилой части полосой деревьев.

- Стрельбище батальонное здесь было, - сказал Воронцов. - Восстановите.

Я остановился.

- Своё стрельбище?

- Своё. Для повседневной подготовки. Места достаточно.

Посмотрел на Пономаренко. Тот кивнул, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся.

Собственное стрельбище многое меняло. Не выпрашивать каждый раз время, не подстраивать все занятия под чужое расписание. Люди могли работать постоянно, возвращаться к неудачным упражнениям, заниматься небольшими сменами. Только восстановить его тоже предстояло мне. Мы пошли дальше.

От прежнего спортгородка оставались турники, брусья и перекошенная лестница. Металл покрыла ржавчина, однако часть стоек держалась крепко. На соседнем участке находились сооружения воздушно-десантного комплекса. Издали они ещё выглядели целыми, вблизи стало понятно, что без осмотра и ремонта подпускать к ним людей нельзя.

- ВДК давно не использовали? - спросил я.

- После ухода батальона почти не трогали.

Я задрал голову, посмотрел на крепления.

- Проверять всё придётся.

- Естественно.

В записной книжке появилась ещё одна строка. Потом следующая. Спортгородок. Полоса препятствий. ВДК. За ними оставалась свободная земля под учебные поля. Здесь можно было оборудовать места для отработки тактики в разных условиях: на открытой местности, в лесу, среди построек. Не таскать людей ради каждого занятия через всю бригаду. Всё рядом, всё под своей рукой.

Я шёл, прикидывал расстояния и понемногу понимал, почему мне выделили столько земли. Они рассчитывали на постоянную работу. Надолго.

- Для тяжёлой техники и большого вооружения своих площадок не хватит, - сказал я.

- Для этого есть армейские полигоны, - ответил Воронцов. - По согласованию со мной будете пользоваться. План занятий заранее, потребности заранее. Со стрельбами то же самое. Основную повседневную подготовку организуете здесь, остальное будем решать.

Я кивнул. Это было разумно. Свой небольшой учебный городок, своё стрельбище, а тяжёлые полигоны общие. Больше всего в этой разумности тревожило, сколько людей и денег понадобится, чтобы всё заработало. Мы вышли к краю участка. Отсюда казарма уже почти скрылась за деревьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.